

АЛЕКСѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ МЕРЗЛЯКОВЪ.

1778—1830 гг.

БИОГРАФИЧЕСКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.

Въ 1878 г. совершилось сто лѣтъ отъ рожденія Мерзлякова. Нѣкогда, одинъ изъ представительнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета, знаменитый въ свое время теоретикъ и критикъ, замѣчательный ораторъ и поэтъ,—Мерзляковъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы, а между тѣмъ, онъ уже почти забытъ: о немъ едва упоминають руководства къ исторіи литературы, а историческіе очерки критики и журналистики чаще краснорѣчиво умалчиваютъ. Не пора ли и не встаетъ ли, хоть въ настоящій моментъ, напомнить о немъ?—Такова цѣль настоящей статьи, составляющей подробную біографическую, бібліографическую и критическую монографію Мерзлякова, какъ преподавателя словесности и литератора. Н. М.

I.

Мерзляковъ, Алексѣй Федоровичъ, ординарный профессоръ поэзи и краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ, родился въ 1778 году, Пермской губерніи, въ городѣ Далматовѣ. Отецъ его, Федоръ Алексѣевичъ, весьма небогатый купецъ этого города, могъ научить своего сына только читать и писать. Особенную охоту къ ученію и отличныя способности въ мальчикѣ первый замѣтилъ родной его дядя, Алексѣй Алексѣевичъ Мерзляковъ, служившій правителемъ канцеляріи при тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Пермской и Тобольской губерній, Алексѣѣ Андреевичѣ Волковѣ. Онъ уговорилъ, хоть и не безъ труда, брата своего—отпустить сына въ Пермь. Начальныя основанія въ наукахъ молодой Мерзляковъ получилъ въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ, при директорѣ Иванѣ Ивановичѣ Панаевѣ (р. 1758 г., ум. 1796 г.). Въ молодости своей онъ попалъ въ общество образованныхъ людей того

времени, каковы: Новиковъ, князь Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Эминъ, Державинъ, Дмитревскій, у котораго онъ бралъ уроки декламации, страстно любя драматическое искусство, и занималъ его роли на домашнемъ театрѣ, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; писалъ самъ и читалъ свои сочиненія въ литературныхъ собраніяхъ,—но никогда не печаталъ,—написанныя языкомъ, какимъ въ то время едва ли кто либо писалъ; они цѣнились выше всѣхъ, читанныхъ въ тѣхъ собраніяхъ, и удостоены были вниманія наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича. Въ 1781 г. онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы и въ 1782 году опредѣленъ губернскимъ стряпчимъ въ Казань, гдѣ и женился на дочери тамошней помѣщицы Страховой, породнившись такимъ образомъ съ Державиннымъ, приходившимся двоюроднымъ ея дядею.—Черезъ три года, Панаевъ переведенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пермь и, при открытіи въ Перми народныхъ училищъ, принявъ въ свое завѣдываніе пермское народное училище. Здѣсь, посѣтивъ однажды вечеромъ одного губернскаго чиновника, онъ случайно завелъ разговоръ съ 14-ти-лѣтнимъ, худо одѣтымъ мальчикомъ, принесшимъ чайникъ, который оказался племянникомъ хозяина, челоуѣка недостаточнаго. Отвѣты мальчика понравились Панаеву и онъ, сдѣлавъ дядѣ выговоръ за пренебреженіе воспитаніемъ племянника и употребленіе его вмѣсто слуги, на другой же день записалъ его въ училище и сталъ слѣдить за его успѣхами. Спустя годъ, мальчикъ принесъ ему свое стихотвореніе... Мальчикъ этотъ былъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ, а первый его стихотворный опытъ—«Ода на заключеніе мира со шведами», которая Панаевымъ была представлена Волкову, а имъ отправлена къ главному начальнику народныхъ училищъ Петру Васильевичу Завадовскому, тотъ же поднесъ ее императрицѣ Екатеринѣ II. Въ собственноручной запискѣ Мерзлякова (принадлежавшей древлекранилицѣ Погодина) сказано, что «благодѣтельная государыня приказала напечатать эту оду въ издаваемомъ тогда при академіи журналѣ и, сверхъ того, нѣсколько экземпляровъ, собственно для сочинителя». Они были присланы въ Пермь, при высочайшемъ рескриптѣ къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ въ Петербургъ или въ Москву, для продолженія наукъ. Въ 1793 г. Мерзляковъ прибылъ въ Москву и препорученъ куратору университета Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Въ 1798 г. Мерзляковъ изъ студентовъ переименованъ былъ въ бакалавры; въ 1799 г. онъ первенствуетъ въ спискѣ печатномъ казеннокоштныхъ студентовъ, и получилъ золотую медаль.

Къ этому времени относится сближеніе Мерзлякова съ Жуковскимъ. Мерзляковъ принималъ участіе въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при университетскомъ благородномъ пансіонѣ. По выходѣ Жуковского изъ пансіона, учреждено было новое дружеское литературное общество, котораго правила подписаны основателями 1801 г. января 12-го. Эти дружескія общества соединяли тогда юношества университета и пансіона...

По новому образованію университета, въ царствованіе императора Александра, Мерзляковъ былъ переименованъ изъ бакалавровъ въ кандидаты, а въ 1804 г. февраля 10-го произведенъ въ магистры. Когда профессоръ Чеботаревъ, по преобразованіи университета въ 1804 г., избранъ былъ ректоромъ, Мерзляковъ занялъ кафедру руссійскаго краснорѣчія и поэзіи. Въ 1805 г. Мерзляковъ былъ вызванъ въ Петербургъ, по возвращеніи откуда получилъ степень доктора и званіе адъюкта, въ одно и то же время. Въ 1807 г. января 23-го, избранъ, а февраля 3-го министромъ утвержденъ, экстра-ординарнымъ профессоромъ. По уставу университета, 1810 г. октября 30-го, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка руссійскаго. Сверхъ того, по опредѣленію совѣта, исполнялъ разныя обязанности: осматривалъ училища Московской, Костромской и Ярославской губерній, четыре года былъ членомъ училищнаго комитета; также членомъ испытательнаго комитета, со времени его открытія, учрежденнаго, по указу 6-го августа 1809 г., для испытанія служащихъ, ищущихъ VIII-го класса, чиновниковъ, и два года преподавалъ для нихъ лекціи въ университетѣ; съ 1817 по 1818 г. былъ деканомъ словеснаго отдѣленія и потомъ постоянно съ 1821 по 1828 годъ.

Мерзляковъ былъ дѣйствительнымъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ Общества любителей руссійской словесности при Московскомъ университетѣ и временнымъ его предсѣдателемъ, отъ основанія его. Не проходило ни одного собранія, въ которомъ онъ не читалъ бы своихъ стиховъ или прозы, о чемъ свидѣлствуютъ протоколы общества. Кромѣ того, въ бумагахъ его осталась Записка о трудахъ, назначавшихся имъ для младшаго поколѣнія, для сотрудниковъ общества, которыхъ хотѣлъ занять переводами изъ Библии, изъ образцовыхъ греческихъ и латинскихъ и изъ новѣйшихъ сочиненій французскихъ и нѣмецкихъ, по части критики и эстетики. Мерзляковъ былъ также дѣйствительнымъ членомъ Общества исторіи и древностей руссійскихъ, Казанскаго и Ярославскаго обществъ любителей руссійской словесности; Виленскій университетъ также избралъ его въ свои почетные члены.

За два года до нашествія непріятели, князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ Мерлякову, въ домѣ его, находившемся на Старой Басманной, открыть публичный курсъ словесности. Бесѣды начались въ 1812 г. и продолжались весь Великій постъ, по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Знаменитѣйшія особы столицы, литераторы, дамы, посѣщали эти чтенія. Въ десять собраний, прочтена была вся теорія изящныхъ наукъ. Содержаніе всѣхъ десяти чтеній было вкратцѣ изложено въ Московскихъ запискахъ «Вѣстника Европы» (1812 г., т. II, 228, и т. III, 59); первыя четыре бесѣды напечатаны въ томъ же журналѣ, въ концѣ 1813 г. Нашествіе непріятели и смерть князя Бориса Владиміровича Голицына, послѣдовавшая въ 1813 г. 6-го января, отъ ранъ, полученныхъ имъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію этихъ чтеній.

Въ 1815 г. Мерляковъ, вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Ивановымъ и С. В. Смирновымъ, предпринялъ изданіе «Амфіона», котораго вышло 12 книгъ; здѣсь напечаталъ онъ многія свои стихотворенія и переводы, пятое чтеніе изъ публичныхъ бесѣдъ, разборъ «Россіяды», вышедшій въ теченіе года. Въ «Амфіонѣ» участвовали многіе лучшіе писатели: Жуковский, Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Ивановъ, одинъ изъ друзей Мерлякова... Въ слѣдующемъ году Мерляковъ прекратилъ изданіе «Амфіона», съ тѣмъ чтобы возобновить публичныя чтенія о словесности, начатыя въ 1812 г., какъ онъ и объявилъ въ предпоследней книжкѣ «Амфіона». Чтенія возобновились въ домѣ Аграфены Ѳеодоровны Кокоткиной, бывшемъ прежде графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глѣба. Курсъ состоялъ изъ 24-хъ чтеній и обнималъ сначала сокращенно «общія правила о краснорѣчьи и поэзіи», потомъ «изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій», и наконецъ, «чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ російскихъ писателей».

Позднѣйшія лекціи Мерлякова состояли, во большей части, изъ критическихъ импровизацій, — онъ къ нимъ не готовился: приносилъ на кафедру Ломоносова или Державина, развертывалъ, случайно открывалъ оду — и рѣчь лилась изъ устъ профессора, завися, впрочемъ, отъ настроенія духа; въ послѣднее время эти вдохновенныя минуты бывали рѣже... «Я слушалъ его лекціи въ университетѣ (1813—1817), — говоритъ одинъ изъ его современниковъ¹⁾, — надобно сказать, что здѣсь онъ посѣщалъ ихъ лѣниво, приходилъ рѣдко, иногда, прождавши его съ четверть часа, мы расходились... Лучшее время

¹⁾ М. А. Дмитріевъ, въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», 2-е изданіе, М. 1869 г., стр. 159—160, 162, 164—165.

жизни Мерзлякова было до 1812 г. Это время для него было самое пріятнѣйшее, самое цвѣтущее и для человѣка и для поэта: время, исполненное мечтаній—несбывшихся, но тѣмъ не менѣе оживлявшихъ пылкую его душу. Въ это время онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ селѣцѣ Жадочахъ, подмосковной Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ всѣ его любили, цѣнили его талантъ, его добрую душу, его необыкновенное простосердечіе, ласкали и берегли его природную безпечность... Въ 1812 г. Вельяминовы-Зерновы уѣхали въ свою орловскую деревню. Мерзляковъ былъ у нихъ при отъѣздѣ и проводилъ ихъ. Тамъ прожили они три года; возвратились уже въ 1815 г. Во все это время Мерзляковъ не видалъ ихъ. Они нашли его уже женатымъ. По возвращеніи, сколько ни приглашалъ его отецъ этого семейства, онъ уже не хотѣлъ быть у нихъ, и ни разу не былъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ воспользоваться отвычкою, чтобы искоренить вовсе прежнее чувство и не возобновить прежнихъ впечатлѣній своего сердца. Но вмѣстѣ съ отвычкою отъ этого семейства и отъ ихъ общества, Мерзляковъ болѣе и болѣе приобрѣталъ другую привычку. Обыкновенное общество, въ которомъ онъ тогда бывалъ, состояло, правда, изъ людей, занимающихся литературою; но вечера ихъ оканчивались веселымъ ужиномъ, шампанское смѣнялось пуншемъ, и этотъ-то образъ жизни рѣшительно отдалилъ совѣстливаго Мерзлякова отъ прежнихъ знакомствъ его. Женившись, онъ отсталъ и отъ прежняго свѣтскаго общества; дико было ему уже въ немъ являться... Мерзляковъ женился въ 1815 г. на Любови Васильевнѣ Смирновой, съ братомъ которой, Семеномъ Васильевичемъ, былъ связанъ родствомъ, пріязнію и литературнымъ общеніемъ. Въ супружествѣ прожилъ пятнадцать лѣтъ, будучи, какъ семьянинъ, примѣрнымъ супругомъ и отцомъ дѣтей, которыхъ оставилъ четверо, отъ 14-ти лѣтъ до полутора года. Въ остальные года жизни, Мерзляковъ нерѣдко подвергался изнурительнымъ болѣзнямъ. 1830 г. іюня 26-го, на празднествѣ семидесятипятилѣтняго юбилея Московскаго университета, онъ, уже больной и слабый, читалъ свои стихи «Юбилей», а ровно черезъ мѣсяць, 26-го іюля, скончался на своей дачѣ, въ Сокольникахъ, гдѣ жилъ съ семействомъ, для подкрѣпленія здоровья; іюля 29-го отданъ послѣдній священныи долгъ и тѣло предано землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ признательные ученики соорудили на могилѣ его памятникъ... ¹⁾ Слушатели

¹⁾ Въ семействѣ сохранился его портретъ, хотя написанный грубою живописью, но замѣчательный по сходству. Съ него есть гравюра, сдѣланная Фроловымъ; еще съ мертваго, заботою М. П. Погодина, снята была маска славнымъ ваятелемъ Витали, и по ней сдѣланъ бюстъ, отличающийся и сходствомъ и мастерствомъ исполненія... Мерзляковъ былъ мужчина невысокаго

любили его какъ профессора и какъ человѣка, потому что онъ всегда входилъ въ ихъ нужды; будучи самъ воспитанъ нуждою, понималъ и уважалъ бѣдность, какъ возбуждительно дарованія... Имѣвши значительное влияние, въ свое время, на развитіе вкуса и любви къ словесности своихъ современниковъ, говоривши и писавши не мало, онъ оставилъ по себѣ много сочиненій, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ обнаруживаются его трудолюбіе и его талантъ, хотя шедшій по невѣрному направленію, въ увлеченіи господствующими понятіями объ искусствѣ, которыхъ онъ упорно и неизмѣнно держался, какъ это увидимъ изъ просмотра его сочиненій.

II.

Мерзляковъ долженъ быть разсматриваемъ и судимъ какъ преподаватель, теоретикъ и критикъ, какъ ораторъ и поэтъ—оригинальный и переводчикъ.

Мерзляковъ началъ преподаваніе словесности въ университетѣ съ 1805—1806 и непрерывно продолжалъ по 1829—1830 амадемической годъ. Предметъ преподаванія его состоялъ изъ теоріи поэзіи, обнимавшей правила всѣхъ родовъ поэзіи, и риторики, заключающей въ себѣ правила всѣхъ родовъ прозы; теоріи онъ предпосылалъ иногда введеніе, въ которомъ излагалъ общія эстетическія начала и присоединялъ критическіе разборы произведеній знаменитѣйшихъ русскихъ писателей, соединяя съ этимъ разборъ собственныхъ упражненій въ словесности учащихся. Главнымъ руководствомъ, при преподаваніи, Мерзлякову служило сочиненіе Эшембурга *Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften*, слѣдую которому и даже переводя буквально, онъ издалъ учебники: 1) Краткая риторика или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ, 2-е изд. 1817, а 3-е 1821 г. 2) Краткое начертаніе теоріи изящной сло-

воста, широкоплечій и плотный, грудь имѣлъ широкую, голову большую. Волосы на ней были подстрижены почти въ кружало. Изъ-подъ густыхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ свѣтились сѣрые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклыя; ротъ широкій, нижняя губа нѣсколько выдавалась, особливо во время чтенія. Органъ голоса былъ густъ, громокъ, но не совсемъ явственъ. Стихи читалъ онъ на-распѣвъ, иногда усиливая, иногда уменьшая звуки голоса. (См. статью Шеныврева о Мерзляковѣ въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета». М. 1855 г. (ч. II, стр. 98), изъ которой заимствованы биографическія и библиографическія данныя, съ дополненіями изъ другихъ источниковъ, — въ этомъ наложеніи, а также съ собственными замѣчаніями автора.

Н. М.

ности въ 2-хъ ч., 1822 г. 3) Краткое руководство къ эстетикѣ, переводъ изд. Эшембурга 1829 г., а въ 1827 г., въ числѣ конспектовъ отдѣленія словесныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, Мерзляковъ напечаталъ: 4) Конспектъ лекцій россійскаго краснорѣчія и поэзіи, въ заключеніи котораго самъ сознался, что его «Краткое начертаніе теоріи изящной словесности» есть переводъ изъ Эшембурга, что слѣдуетъ сказать и о его риторикѣ. Слѣдуя неизмѣнно оригиналу, переводчикъ не только не усовершенствовалъ его, напротивъ, ослабилъ, напримѣръ, выпустивъ многочисленную библиографію, придававшую ученое значеніе сочиненію Эшембурга; въ примѣненіи же нѣмецкаго учебника къ русскому преподаванію ограничился тѣмъ, что къ именамъ иностранныхъ образцовыхъ писателей, упоминаемыхъ Эшембургомъ, Мерзляковъ прибавилъ кратко имена русскихъ, и тамъ, гдѣ нѣмецъ, трактуя о размѣрахъ стиха, отдаетъ преимущество языку нѣмецкому предъ другими новѣйшими языками—относительно его способности подражать размѣрамъ древняго стихосложенія и въ употребленіи бѣлыхъ ямбовъ,—русскій педагогъ то же самое справедливо примѣняетъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ, и къ русскому языку. Мѣстами, впрочемъ, Мерзляковъ отступалъ отъ своего руководителя, но въ чемъ?... Эшембургъ признаетъ начало, которое Баттѣ полагалъ въ подражаніи изящной природѣ, за недостаточное, потому что оно не примѣняется ко всѣмъ отдѣльнымъ родамъ искусствъ и оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ: какое средство употребляетъ сама природа, чтобы удовлетворить нашему вкусу къ красотѣ?—Эшембургъ, вмѣстѣ съ Баумгартеномъ, ставитъ высшимъ началомъ для изящныхъ искусствъ «чувственное совершенство», предоставленное чувствомъ и впечатлѣнное на предметахъ нашего ощущенія; Мерзляковъ приводитъ оба мнѣнія, и Баттѣ и Эшембурга, но остается при мнѣніи французскаго теоретика, говоря, что подражаніе природѣ эстетическое, въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть также принято за начало всѣхъ искусствъ. Эшембургъ цѣлью всякаго искусственнаго представленія полагаетъ очарованіе, но такое, посредствомъ котораго идеальное получаетъ впечатлѣніе дѣйствительности, такъ что представленіе черезъ то является вмѣстѣ и чувственнымъ и совершеннымъ; Мерзляковъ признаетъ очарованіе точно въ такомъ же ложномъ значеніи, какъ признавало его ученіе Баттѣ и всей поэзіи псевдоклассической французской школы, утверждая, что цѣль cadaго искусственнаго представленія есть очарованіе, или умысленно произведенный обманъ, по которому «искусственное подражаніе принимается за существованіе и за непосредственное созерцаніе». Мерзляковъ, какъ теоретикъ, оставаясь при руководствѣ Эшем-

бурга, не слѣдилъ нисколько за успѣхами своей науки на Западѣ и не воспользовался даже тѣмъ, что въ ней сдѣлано его славными предшественниками въ Германіи. Къ нѣмцамъ онъ не питалъ сочувствія въ ихъ эстетическомъ ученіи, а Эшембурга, если и держался, то лишь потому, что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ находилъ отголосокъ французской теоріи, но и тутъ измѣнялъ въ немъ, какъ выше упомянуто, то, что съ нею не согласовалось. Главнымъ стремленіемъ Эшембургской теоріи, какъ и его послѣдователя Мерзлякова, было не столько сознание законовъ красоты въ явленіяхъ изящнаго, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, сколько установленіе общихъ правилъ для художниковъ. Но и самое убѣжденіе въ прочности этихъ правилъ не было въ Мерзляковѣ твердо, и онъ, при вступленіи въ науку, уже сомнѣвается въ возможности ея самобытнаго существованія: «Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго; самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ... Только критика вкуса имѣетъ здѣсь свой голосъ»... Это положеніе, высказанное въ «Краткомъ начертаніи теоріи изящной словесности» Мерзлякова, возбудило противъ него даже его учениковъ, уважавшихъ его. Князь Одоевскій въ «Мнемозинѣ» (1824 г.) спрашиваетъ: «На чемъ же должна основываться эта критика вкуса, если изящное не можетъ имѣть подлинныхъ строгихъ законовъ?... Пора знать, что есть другія основанія для теоріи изящнаго, кромѣ тѣхъ, о которыхъ толкуется въ нашихъ риторикахъ и пѣтикахъ — краткихъ и пространныхъ, сечинители коихъ какъ будто спали сномъ Эпимениды, и, проснувшись, начали толковать о томъ, что говорили ихъ учителя». Точно также взглядъ Мерзлякова на происхожденіе искусствъ, высказанный имъ въ разсужденіи «О началѣ и духѣ древней поэзіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ», напечатанномъ, въ качествѣ предисловія, къ «Подражаніямъ и переводамъ изъ латинскихъ и греческихъ стихотворцевъ» (1825—1826 гг.), вооружилъ противъ него Веневитинова — молодаго человѣка, подававшего большія надежды, рано пресѣкшіяся смертію. Онъ доказалъ («Сынъ Отечества» 1825 г. и сочиненія Веневитинова 1862 г., стран. 185) несостоятельность его понятій и доводовъ, и на положеніе Мерзлякова, что «трагедія и комедія, такъ, какъ всѣ изящныя искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому», — возразилъ, что «поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствуетъ изъ природы форму искусства, ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и «подражательность» не могла породить искусствъ, которыя истекаютъ отъ избытка

чувствъ и мыслей въ человѣкѣ и отъ нравственной его дѣятельности и что «не стремленіе къ подражанію править умомъ человѣка и онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное». Въ началѣ этой статьи Веневитинова, онъ говоритъ: «Разсужденіе Мерзлякова «О началѣ и духѣ древней трагедіи» оправдываетъ истину, давно извѣстную, что тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Красоты поэзіи близки сердцу человѣческому, и, слѣдовательно, легко ему понятны; но чтобы произнестъ общее сужденіе о поэзіи, чтобы опредѣлить достоинства поэта, надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной, и эта мысль не господствуетъ въ теоріи г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть, недостатокъ теоріи: ибо нельзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противорѣчіями» (стр. 181—182). Въ заключеніе же своего разбора разсужденія Мерзлякова, Веневитиновъ замѣчаетъ: «Въ дополненіе къ рецензіи моей на разсужденіе г. Мерзлякова, скажу, что еслибъ оно появилось за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности. Слѣды французскихъ разсужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назвать нѣсколько сочиненій въ семь родѣ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія «Амалтея» г. Кронеберга, харьковскаго профессора. Въ сей книгѣ не должно искать теоретической полноты и нрядка; но въ ней заключаются ясныя понятія о поэзіи, и она доказываетъ, что авторъ искренно посвятилъ себя изящнымъ наукамъ и слѣдитъ за ихъ успѣхами» (стр. 189—190). Выше замѣчено, что Мерзляковъ именно-то нисколько не слѣдилъ за успѣхами своей науки на Западѣ, не воспользовался и тѣмъ, что выработано для нея въ Германіи. Такъ, въ 1826 г. было перепечатано, съ маловажными измѣненіями, вышеупомянутое предисловіе къ 1-й ч. «Подражаній и переводовъ» Мерзлякова «о трехъ греческихъ трагикахъ», въ которомъ Мерзляковъ ставитъ Эврипида выше Эсхила и Софокла,—что, кромѣ того, что само по себѣ было невѣрно, да было и несовременно, послѣ разбора этихъ трехъ трагиковъ Августомъ Шлегелемъ, показавшимъ, какъ Эврипидъ уступаетъ и Софоклу и Эсхилу. Теперь же замѣтимъ, что вообще историческое изученіе словесности не далось Мерзлякову: въ своемъ Конспектѣ, во введеніи къ риторикѣ, онъ хотя упоминаетъ объ исторіи словесности, но изъ его словъ видно, какъ онъ слабо сознаетъ необ-

ходимость историческаго изученія ея, и это, конечно, потому, что совнаніе такого изученія въ его время еще не вполне уяснилось и утвердилось.—Шаткость и сбивчивость Мерзлякова, какъ преподавателя словесности, обнаруживаются не только, какъ указано выше, въ его теоретическихъ о ней понятіяхъ, но и въ практическомъ систематизированіи предметовъ, ея составляющихъ. Принявъ два главные рода поэзиі—эпическій и драматическій—на основаніи, данномъ Го-раціемъ, что поэтъ или отъ себя говоритъ, или заставляетъ говорить другихъ, Мерзляковъ лирическую поэзію включилъ въ число видовъ эпической, не давъ самостоятельнаго значенія тому роду, котораго самъ въ русской поэзиі былъ даровитымъ представителемъ; сущность поэмы и драмы у Мерзлякова одна и та же—дѣйствіе, съ тою разницею, что въ поэмѣ оно уже совершилось, а въ драмѣ видимо совершается; теорію романа, съ повѣстью и сказкою, Эшамбургъ помѣстилъ въ своей риторикѣ, и Мерзляковъ также, въ изданіи риторики 1817 г., тамъ ее оставилъ, но въ изданіи «Начертанія теоріи изящной словесности» 1822 г. перенесъ теорію романа въ пиктику, а въ «Конспектѣ» 1827 г. снова включилъ ее, подъ именемъ вымышленныхъ повѣствованій, въ теорію краснорѣчія.

Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова по теоріи словесности обнаруживаются въ его отдѣльныхъ статьяхъ, къ которымъ относятся слѣдующія его разсужденія или, правильнѣе, лекціи, читанныя имъ въ 1812 году: 1) О талантахъ стихотворца («Вѣстникъ Европы» 1812 г., т. V, 204); 2) О гени, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ («Вѣстникъ Европы», т. VI, 24 и 199); 3) Объ изящной словесности, ея пользѣ, дѣли и правилахъ («Вѣстникъ Европы» 1813 г., т. II, 210); 4) Объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи («Вѣстникъ Европы» 1813 г., т. III, 190); 5) Чтеніе пятое въ бесѣдахъ любителей словесности въ Москвѣ, съ объяснительнымъ примѣчаніемъ о происхожденіи этихъ чтеній («Амфіонъ», кн. VII, 72); 6) О томъ, что называется дѣйствіе драмы и объ его главнѣйшихъ свойствахъ (чтен. 10-е въ «Вѣстникъ Европы» 1817 г., т. III, 105 и 172); 7) Разсужденіе о драмѣ вообще («Труды Общ.» 1820 г., т. XXII, 62).—Изъ всѣхъ этихъ разсужденій ясно видно, что Мерзляковъ обнаруживалъ самостоятельныя воззрѣнія въ сферѣ своей специальности лишь тогда, какъ покидалъ свои авторитеты и предавался своему внутреннему внушенію, своему врожденному ощущенію красоты и своимъ непосредственнымъ наблюденіямъ природы и искусства. Мерзляковъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на умозрительныхъ построеніяхъ. «Вотъ гдѣ система!»—говаривалъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце,

какъ объ этомъ разсказано въ рецензїи на «Пѣсни и романсы», напечатанной въ № 5 «Телескопа» 1831 г.; въ одной-же изъ рѣчей своихъ «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности» Мерзляковъ выразился ироническимъ лаконизмомъ: «Оставимъ системы, которыя всѣ почтенны и знать ихъ, конечно, должно!»—Но за то и собственныя его статьи страдаютъ недостаткомъ строгой сознательной системы и нерѣдко представляютъ лишь вдохновенныя варіаціи на научныя темы. Предметомъ словесныхъ наукъ, какъ преподаватель, Мерзляковъ принималъ два: языкъ и словесность, разумѣя подъ послѣднюю поэзію и краснорѣчіе. Главнымъ предметомъ его собственныхъ занятій была словесность, языкомъ-же занимался онъ какъ стилистъ, а не какъ филологъ. Когда Общество любителей россійской словесности приняло изданіе производнаго словаря, Мерзляковъ, временный предсѣдатель общества, былъ присоединенъ къ собирателямъ словаря и по этому случаю, въ засѣданіи общества 1819 г. мая 31-го, представилъ краткую о томъ записку («Труды Общ.» ч. XVI, 234), въ которой, между прочимъ, выразился: «Хорошій словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ воздѣйшшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже грамматки и здравой логики»,—какъ-бы намекая на несовременность и неприготовленность нашу къ занятіямъ лексикографическимъ. Во второмъ томѣ «Сочиненій Общества» (1822 г.), онъ напечаталъ производнаго словаря букву В, подписавъ своимъ именемъ, въ чемъ отчасти далъ канву Словарь россійской академіи.

Къ критическимъ статьямъ Мерзлякова относятся слѣдующія: 1) Разсужденіе о россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи («Труды Общества любителей россійской словесности», часть I, 53), въ которомъ замѣчательны многія, хотя краткія, характеристики русскихъ писателей. 2) «Россіяда», поэма эпическая г. Хераскова, письмо къ другу («Амфіонъ» 1815 г., кн. I, 52; кн. II, 26; кн. III, 94; кн. V, 81; кн. VI, 2; кн. VIII, 86; кн. IX, 49). Въ видѣ письма къ Жуковскому, Мерзляковъ въ семи статьяхъ представилъ полный разборъ «Россіяды», на основаніи началъ своей теоріи: въ первой, послѣ общихъ похвалъ поэмѣ Хераскова, излагается ея содержаніе по пѣснямъ; во второй показаны недостатки въ изобрѣтеніи содержанія и расположенія поэмы; въ третьей заявлено отсутствіе чудеснаго—такого, какого требуется отъ эпической поэмы; въ четвертой и пятой статьяхъ указаны недостатки главныхъ характеровъ, съ изъятіемъ въ пользу нѣкоторыхъ; шестая и седьмая статьи посвящены разбору слога. Эта критика возбудила противорѣчіе въ молодомъ тогда писателѣ П. М. Строевѣ, который былъ еще студен-

томъ университета и въ своемъ журналѣ «Современный Наблюдатель» (1815 г., № 1 и 3) осмѣлился публично противорѣчить Мерзлякову.—3) Разборъ осьмой оды Ломоносова «Царей и царствъ земныхъ отрада» («Труды Общества» 1817 г., VII. 28), въ которомъ критикъ указываетъ на постоянное совершенствованіе Ломоносова въ одахъ, по мѣрѣ того, какъ онъ отступалъ отъ своего постоянного нѣмецкаго образца Гинтера. 4) Разборъ оперы «Мельникъ» (отрывокъ изъ чтенія XV-го въ «Вѣстникѣ Европы», т. II, 113). Рѣшая заданный ему вопросъ—«Отчего такъ долго и постоянно опера «Мельникъ» удерживается на нашемъ театрѣ?»—критикъ причину ея успѣха объясняетъ не тѣмъ, что она написана въ русскіихъ нравахъ, а тѣмъ, что піеса «удовлетворяетъ правиламъ вкуса», т. е. законамъ Аристотеля, наставленіямъ Горация, предписаніямъ Буало, про которыхъ Аблесимовъ-самоучка, вѣроятно, знать не зналъ—вѣдать не вѣдалъ.—5) Сумароковъ («Вѣстникъ Европы», 1817 г., т. III, 257; т. IV, 26 и 106). Разбирая его драматическія сочиненія съ уваженіемъ къ авторитетному писателю, критикъ безпощадно выводитъ наружу недостатки Сумарокова и, разсматривая всѣ десять трагедій его, по порядку ихъ выхода, Мерзляковъ не только не находитъ никакого постепеннаго совершенствованія въ трагикѣ, напротивъ того,—скорѣй упадокъ въ послѣднихъ его трагедіяхъ. Не смотря на уваженіе къ старому писателю, Мерзляковъ насмѣшливо излагаетъ содержаніе Хорева, Гамлета, Аристыны, Ярополка и Демизы, Вышеслава и Мстислава; лучшими-же трагедіями признаетъ «Синава и Трувора» да «Семиру». О трагедіи «Дмитрій Самозванецъ», имѣвшей долгій успѣхъ на сценѣ, Мерзляковъ прямо говоритъ: «Она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія того-же автора... во всѣхъ пяти актахъ никакого дѣйствія... Содержаніе трагедіи: тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя. На это потрачено не болѣе одного дня. Единство мѣста—верхъ нелѣпости, ибо все происходитъ въ одной и той-же залѣ... Всѣ лица похожи на китайскія тѣни... Главный герой есть чудовище, исполненное несообразностей»... «Остается за трагедіею одно только стихотворство, болѣе обработанное, нежели въ прочіихъ драмахъ». Объ устарѣлости языка въ піесахъ Сумарокова вотъ какъ выражается Мерзляковъ: «языкъ нашъ, не достигшій еще надлежащей своей опредѣленности, образуется непрерывно вмѣстѣ съ нашимъ вкусомъ; почему знать, можетъ быть, и нынѣшніе такъ называемые лучшіе писатели, черезъ 30 лѣтъ, будутъ такъ же немилосердно забыты, какъ теперь отъ многихъ полуученыхъ забыты почтенные наши Ломоносовъ и Сумароковъ!» Предсказаніе Мерзлякова

относительно слывшихъ тогда лучшими писателями сбылось ранѣе назначеннаго имъ срока; но Ломоносовъ и Сумароковъ не забыты и не будутъ забыты, будучи укрѣплены навсегда въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ признаніемъ ихъ подлиннаго историческаго значенія ¹⁾. 6) Державинъ («Труды Общества» 1820 г., ч. XVIII, 5). Мерзляковъ, лично знавши Державина и пользовавшійся его благоклонностью, по собственнымъ его словамъ, — чрезъ четыре года послѣ его смерти, такъ отзывается о немъ: «Державинъ первый далъ одѣ нашей видъ Гораціанскій, исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ, наполняемыхъ общими риторическими мѣстами и располагаемыхъ по обыкновеннымъ формамъ: этотъ недостатокъ замѣтенъ и въ великомъ Ломоносовѣ, а въ послѣдователяхъ его несравненно болѣе. Ода Ломоносова, при всемъ своемъ величїи, носила еще оковы; ода Державина въ первый разъ съ распушенными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ». «Въ сочиненїяхъ Державина, — замѣчаетъ Мерзляковъ, — находится много современныхъ ему отношеній, безъ изъясненія которыхъ нельзя понимать его, а потому необходимо издать къ нимъ историческій комментарий». — Далѣе слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ духовныхъ, героическихъ и философскихъ одъ Державина. Согласно съ общимъ мнѣніемъ объ одѣ «Богъ», Мерзляковъ находитъ въ ней недостатокъ, что поэтъ, воспѣвая свойства Предвѣчнаго Существа, много говоритъ о пространствѣ, блескѣ или свѣтѣ, мѣрѣ и числѣ, а очень мало о всемогуществѣ, премудрости и благодати, которыя ближе къ сердцу человѣческому: самъ въ своей одѣ «Къ Непостижимому» Мерзляковъ особенно воспѣлъ эти свойства Божїи. По сужденію Мерзлякова, Державинъ уступаетъ Ломоносову въ предложенїи псалмовъ Давидовыхъ. Точно также въ одахъ героическихъ Мерзляковъ видитъ въ Ломоносовѣ опаснаго соперника Державину, а превосходнѣйшею одою его по плану признаетъ «На взятїе Варшавы». Послѣднїя драматическія произведенія лирика онъ мѣтко и остро называлъ на лекціяхъ своихъ «развалинами Державина»... А между тѣмъ критикъ обошелъ вниманіемъ наилучшій и оригинальнѣйшій, Державиннымъ изобрѣтенный и ему принадлежащій, отдѣлъ стихотвореній, въ которыхъ поэтъ, по собственному его выраженію — «первый дерзнулъ забавнымъ русскимъ слогомъ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить и истину царямъ съ улыбкой говорить», — отдѣлъ, въ которомъ, весело

¹⁾ Въ разборѣ трагедїи зятя Сумарокова, Княжнина, «Рославъ» («Вѣстникъ Европы» 1817 г., № 10) произнесено строгое сужденіе за несообразность сюжета и неестественность характеровъ.

пути,—ѣдко обличалъ сильныхъ міра и грозно каралъ слабости и недостатки своихъ современниковъ, однимъ словомъ,—отдѣлъ одѣ съ сатирическимъ пошибомъ!.. 7) Разборъ трагедіи «Поликсена» г. Озерова. (Чтеніе XV въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., т. I, 269; т. II, 17). Разборъ этотъ, какъ и послѣдующіе, входилъ во вторую половину публичнаго курса, къ которой Мерзаяковъ прилагалъ изложенную въ первыхъ десяти чтеніяхъ теорію къ образцамъ русской словесности, и намѣревался издать всѣ свои сочиненія о словесности, заключающія полную теорію изящныхъ наукъ и разборы знаменитѣйшихъ отечественныхъ писателей: Ломоносова, Сумарокова, Державина, Озерова и другихъ. (Изъ его Записки). Критикъ сравниваетъ эту трагедію съ трагедіями подобнаго содержанія Эврипида, Сенеки и Шатобриана, указывая на заимствованія и отдавая преимущество нашему трагику въ томъ, что онъ умѣлъ сосредоточить единство содержанія около одного лица—Поликсены; но порицаетъ его за то, что онъ, удаливъ идею судьбы, участвовавшей въ гибели Поликсены, по понятіямъ древнихъ, причину ея выставилъ въ мщеніи Пирра и корыстолюбіи Улисса. Мерзаяковъ негодуетъ на Озерова за эти характеры, говоря, что «авторъ обязанъ непременно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, сблизать ихъ, сколько можно, съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно и поступали Корнели, Расины, Вольтеры и всѣ поставившіе трагедію на нивѣшнюю степень совершенства». 8) Разборъ трагедіи «Эдипъ въ Афинахъ», г. Озерова (Чтеніе XVI, въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., т. II, 267, и т. III, 25). Отдавая правдивыя жюхвалы многимъ сценамъ, монологамъ, слогу трагедіи, Мерзаяковъ также справедливо порицаетъ Озерова за то, «что онъ поступалъ съ басней своей насильственно», отдаетъ преимущество простотѣ содержанія трагедіи Софокла и, укоряя Озерова въ увлеченіи Дюсисомъ, измѣнившимъ развязку, выражается такъ о французахъ: «Можетъ быть, онъ въ этомъ слѣдовалъ французамъ, которые часто бываютъ слишкомъ нѣжны: они боятся разстроить нервную систему своихъ соотечественниковъ, не смѣютъ показать на сценѣ страдальческую смерть мужа добродѣтельнаго; такая нѣжность часто бываетъ притворное или утонченное жеманство, плодъ испорченнаго вкуса,—жеманство, которое доставило вялость многимъ французскимъ трагедіямъ; во всемъ должна быть мѣра». Здѣсь-же находится и разборъ «Фингала» (томъ III, стр. 35); въ отношеніи заимствованія содержанія, Мерзаяковъ называетъ эту трагедію «новымъ шагомъ въ нашей словесности»; но онъ порицаетъ рѣшительно самое содержаніе, какъ недостаточное для дѣйствія драматическаго. 9) О характе-

рахъ трехъ греческихъ трагиковъ («Труды Общества» 1826 г., ч. II, 22) есть не болѣе какъ, съ маловажными нѣкоторыми пере-
мѣнами, перепечатанное предисловіе къ первой части «Подражаній и
переводовъ», гдѣ Мерзляковъ, по обладанію силами трагическими,
ставитъ Эврипида выше Эсхила и Софокла, хотя такое мнѣніе было
уже несвоевременно послѣ изслѣдованія объ этихъ трагикахъ Авгу-
ста Шлегеля (какъ объ этомъ сказано выше). Здѣсь могло быть и
вліяніе французовъ, которые предпочитали Еврипида и охотно под-
ражали ему. Но если рабское подчиненіе Мерзлякова французскому
псевдоклассическому кодексу словесности и слѣдующее увлеченіе фран-
цузскими псевдоклассиками дѣлали его равнодушнымъ и чуждымъ
въ этой сферѣ, то тамъ, гдѣ онъ поддавался непосредственному сво-
ему чутью изящнаго, — вообще шаткую свою теорію, основанную на
исключительномъ довѣрїи къ своимъ учителямъ и образцамъ, замѣ-
нялъ природнымъ здравымъ смысломъ; онъ глядѣлъ прямо и судилъ
вѣрно, какъ это доказываютъ его разборы отечественныхъ поэтовъ и
ихъ произведеній. — 10) О вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и су-
дить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существен-
нымъ достоинствамъ. (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. «Труды
Общества любителей россійской словесности» 1822 года, ч. II, 5). Въ
этомъ разсужденіи авторъ объясняетъ необходимость и великое зна-
ченіе критики и указываетъ на ея правила и обязанности, соеди-
нивъ въ одно черты идеальнаго критика, какъ этотъ идеалъ пред-
ставлялся ему и онъ стремился проявить его въ себѣ. Для полноты.
вотъ остальные небольшія критическія статьи Мерзлякова въ тѣхъ-
же «Трудахъ Общества»: 11) Разборъ оды Калписта «Къ не-
счастному» (т. XV). 12) О сочиненіяхъ г-жи Наумовой (т. XX,
66). — 13). О Сокольскомъ и его сочиненіяхъ (т. XVI, 116, въ
приложеніи 13). Сокольскій, кандидатъ Московскаго университета,
одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Мерзлякова, переводилъ изъ древ-
нихъ и новыхъ поэтовъ, писалъ народныя пѣсни, по примѣру учи-
теля, и эти, равно и другія произведенія, печаталъ въ «Вѣстникѣ
Европы», «Амфіонѣ» и въ петербургскихъ журналахъ, особенно въ
«Сынѣ Отечества»; онъ умеръ рано, не осуществивъ возлагавшихся
на него надеждъ... Мерзляковъ вотъ какъ выражается о сочувствіи
Сокольскаго къ нѣмецкой литературѣ: «Сокольскій болѣе всего былъ
привязанъ къ нѣмецкой литературѣ, хотя онъ очень хорошо зналъ
въ подлинникахъ греческую, латинскую и французскую словесность;
это припадокъ времени». Слова эти выражаютъ антипатію Мерзля-
кова къ новой школѣ, главой которой былъ его другъ Жуковский, и
хотя самъ Мерзляковъ не брезгалъ предложеніями изъ Шиллера, но

предложенія эти были своего особеннаго характера. Въдъ Мерзлякову и въ другихъ литературахъ были не по вкусу — да еще какія всемірныя свѣтла поэзи, какъ, напримѣръ, Дантъ—въ италіанской, изъ которой Мерзляковъ переводилъ псевдоклассическую поему, или въ англійской—Шекспиръ—началоположникъ и глава новой драматической словесности: ужъ не потому-ли, что патриархъ и законодатель французской литературы, обожаемый Сумароковымъ, Вольтеръ, на ихъ обоихъ положилъ свою тяжелую руку? Извѣстенъ его отзывъ о поэмѣ Данта: «Отымите у Данта шестьдесятъ — восемьдесятъ стиховъ, остальное—туманъ, варварство, тривіальность, мракъ»... Шекспира-же ругалъ: «пьянымъ дикаремъ, пошлымъ канатнымъ плясуномъ, паяцемъ въ лохмотьяхъ, жалкою обезьяной», утверждая, что онъ: «вообще отличается крайнимъ безвкусіемъ и совершеннымъ незнаціемъ драматическихъ правилъ».—Сумароковъ, величавшій Корнеля, Расина, Вольтера «преславными трагиками», называлъ Шекспира «непросвѣщеннымъ», говорилъ о немъ: «Шекспиръ—англійскій трагикъ и комикъ, у котораго и очень хороша и чрезвычайно хорошево очень много». Антипатія-же Мерзлякова относилась не только къ нѣмецкой литературѣ, въ которой онъ прогмядѣлъ, или умышленно игнорировалъ, такого гиганта, какъ Гёте, но вообще къ романтической поэзи, которой не понималъ и, по предвзятымъ своимъ идеямъ, сочувствовать не могъ... Поэтому онъ и въ отечественной литературѣ неблагоклонно относился къ новой литературной школѣ, основанной Карамзинымъ и продолжаемой Жуковскимъ, не говоря уже о Пушкинѣ: читая «Кавказскаго плѣнника», онъ, какъ рассказываютъ, плакалъ, но одобрить не рѣшался; а прочитавъ «Цыганъ» въ ценсурномъ комитетѣ, при всѣхъ назвалъ это сочиненіе неблагопристойнымъ и безнравственнымъ... Примѣромъ и доказательствомъ ожесточенія его противъ «новшествъ» литературныхъ было извѣстное Письмо изъ Сибири («Труды Общества» 1818 г., т. XI) и сопровождавшая его закулисная литературная исторія, въ которой Мерзляковъ не пощадилъ друга своего Жуковскаго. Предметами этого письма были гекзаметры и баллады. Споръ о гексаметрахъ былъ тогда вопросомъ современнымъ, и Мерзляковъ доказывалъ, что не Востоковъ отрылъ гекзаметры, а Ломоносовъ, извѣстны были они еще Тредьяковскому и другимъ писателямъ; что у насъ не можетъ быть ни греческихъ, ни латинскихъ гекзаметровъ, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, и проч. Другой предметъ «Письма» составлялъ распространенный тогда Жуковскимъ видъ поэзи — баллады, которыя Мерзляковъ еще въ разборѣ «Россіяды», назвавъ прекрасными, указалъ на неловкое племя его подражателей; здѣсь-же явно вооружился противъ

самой баллады, какъ злоупотребленія, нарушающаго правила поэзи и законы изящнаго, возвысивъ надъ нею басню, процвѣтавшую въ русской поэзи, и приправилъ выходками противъ поэтическихъ разсказовъ и балладъ Жуковскаго... Одинъ изъ современниковъ, и въ ту пору самъ бывший дѣйствительнымъ членомъ общества и присутствовавшій въ засѣданіи общества ¹⁾, разсказываетъ, какимъ образомъ это письмо, будто-бы полученное изъ Сибири, прочтено было Мераляковымъ въ одномъ засѣданіи общества, гдѣ присутствовали Жуковский, какъ членъ, не смотря на то, что въ статьѣ этой ясно было указано на «Адельстана» Жуковскаго, на двѣ огромныя руки, появившіяся изъ беды, на его «Карбункулъ» и «Овсяный кисель», какъ на злоупотребленія поэзи и гекзаметра. Предсѣдатель общества, Антоновскій, примирилъ друзей, которыхъ разводили несогласныя понятія о литературѣ; въ печатномъ изданіи «Письма» оно перепечатано сокращенно. Современникъ оправдываетъ Мералякова такъ: «Но и здѣсь, я думаю, нельзя вполнѣ винить Мералякова. Напротивъ, мнѣ кажется, что самая добросовѣстность и желаніе добра литературѣ побудили его къ этому возстанію; не хорошо было только средство. Старая привычка къ классицизму, старое убѣжденіе и опасеніе нововведеній, колебавшихъ тогда нашу литературу: вотъ что было причиною мгновенной выходки этого добраго человѣка! Вообще, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ новымъ формамъ и новому духу нашей поэзи. Часто онъ съ какими-то горькимъ чувствомъ говорилъ противъ Пушкина и Баратынскаго.—Старой привычкѣ мудрено переучиться». Нѣтъ, настоящіе вожаки литературныя и заправители общественнаго мнѣнія дѣйствуютъ не такъ; они зорко сторожатъ современное развитіе, и, чтобъ не отставать отъ него, не стыдятся мнѣять своихъ убѣжденій, каковы и былъ у насъ позднѣйшій критикъ: гораздо съ меньшимъ научнымъ подготовленіемъ, чѣмъ Мераляковъ, но, подобно ему, въ превосходнѣйшей степени одаренный эстетическимъ чутьемъ, новый критикъ, при строгомъ наблюденіи уровня современныхъ идей, принесъ огромную пользу нашей литературѣ своимъ на нее вліяніемъ, тогда какъ Мераляковъ не только не подвинулъ впередъ, не расширилъ понятій объ искусствѣ, но оставался назади извѣстныхъ уже въ его время и практиковавшихся на дѣлѣ.

¹⁾ М. А. Дмитріевъ, въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», 2-е изданіе. М. 1869 г., стр. 164—169.

Ораторомъ Мерзляковъ является на каедрѣ въ торжественные дни Московскаго университета и въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности. Такъ, онъ говорилъ на университетскомъ актѣ 1814 г. іюня 10-го Слово похвальное императору Александру Первому, августѣйшему избавителю и миротворцу Европы, тогда же напечатанное. Прежде того произнесено было имъ на актѣ ученое слово О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи, и о вліяніи, какое она имѣла на нравы и благосостояніе Европы. Въ этомъ словѣ весьма замѣчательны слѣдующія слова Мерзлякова о русскихъ пѣсняхъ: «О! какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ! Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются и, наконецъ, совсѣмъ уступаютъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣснѣ Игору!»... Къ ораторскимъ же сочиненіямъ Мерзлякова относятся и нѣкоторыя разсужденія, читанныя въ Обществѣ любителей россійской словесности: 1) Рѣчь, произнесенная въ первое засѣданіе общества, объ изгнаніи непріятелей, въ которой, между прочимъ, находится обзоръ всего сдѣланнаго членами общества на пользу русскаго языка и словесности. 2) Воспоминаніе о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Ивановѣ («Тр. Общ.» 1817 г., ч. III, стр. 94): это воспоминаніе написано, согласно обычаю общества—рѣчами чтить память умершихъ своихъ сочленовъ. Оно содержитъ многія замѣчательныя подробности объ Ивановѣ, питомцѣ академической гимназіи, морякѣ, авторѣ драмы «Семейство Старичковыхъ» и многихъ другихъ піесъ; общество поручило Мерзлякову—собрать и издать сочиненія и переводы Иванова, которые напечатаны въ 1824 году, въ 4-хъ частяхъ. 3) О вкусѣ и его измѣненіяхъ («Тр. Общ.» 1817 г., ч. X, 3). 4) О началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности («Тр. Общ.» 1819 г. XIII, 1). 5) Разсужденіе объ истинныхъ качествахъ поэта и оратора («Тр. Общ. Л. Р. С.» 1824 г., ч. IV, 172).

Какъ поэтъ, Мерзляковъ началъ рано пробовать свои силы. Сказано выше, что еще въ пермскомъ народномъ училищѣ онъ, на четырнадцатомъ году, дебютировалъ своею одой «На заключеніе мира

со Швеціею¹⁾, составившею ему карьеру. Ко времени университетских его занятій относятся первые его стихотворные опыты, напечатанные въ журналѣ Подшивалова «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1796, 1797 и 1798 гг.). Въ продолженіе своего ученія и послѣ, онъ съ охотою занимался древними и новыми языками; изъ послѣднихъ особенно любилъ италіанскій и переводилъ много; любимѣйшими же его изъ италіанскихъ поэтовъ были Тассъ, Метастазій и Альфіери. Въ 1801 году, по вступленіи на престолъ императора Александра Перваго, когда, на поздравительные отъ университета стихи, государь отвѣчалъ благосклонными рескриптами на имя куратора князя Голицына и директора Тургенева, университетъ Московскій праздновалъ это событіе торжественнымъ собраніемъ, тогда и бакалавръ Мерзляковъ читалъ «Стихи на всерадостнѣйшій день восшествія на всероссійскій прародительскій престолъ государя императора и самодержца всероссійскаго Александра Павловича, 1801 г. марта 12-го». Въ этихъ стихахъ, подобно другимъ поэтамъ того времени и на тотъ случай, поэтъ-профессоръ не преминулъ представить явленіе Петра Перваго и Екатерины Второй, которая словами, обращенными къ своему внуку, новому государю Россіи, говоритъ такъ:

«Я для Тебя, Мой Внукъ преславный.
Хранила мой народъ избранный
И лавры для Тебя рвала.
Въ чертогъ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждой вздохъ сердечной,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала!)
Въ Тебѣ, Тобой жить буду я!»

А вотъ слова юнаго государя Александра къ прощеннымъ и освобожденнымъ отъ наказаній, которымъ они были подвергнуты:

«Утѣштесь, чада бѣды и муки!
Нѣтъ ни изгнаній, ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ!
Братъ съ братомъ вѣжно обнимися!»

¹⁾ Въ статьѣ о Мерзляковѣ, помѣщенной въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, М. 1855 г.», сказано, что, не смотря на поиски, нельзя было отыскать этой оды въ современныхъ изданіяхъ академіи; но въ послѣдствіи она найдена и напечатана въ собраніи стихотвореній Мерзлякова. М. 1867 г., стр. 43.

Въ Запискахъ современника ¹⁾ приведены стихи изъ оды Мерзлякова «На разрушеніе Вавилона»:

«Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы влечь.
Яремъ позорной прекратился,
Желѣзной скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!»

При этомъ сдѣлано такое замѣчаніе: «Многіе обвиняли Мерзлякова за эту оду»

Но я увѣренъ, что добродушный Алексѣй Федоровичъ не имѣлъ никакой посторонней мысли, а напечаталъ свою оду просто какъ произведеніе поэзіи. Если же она пришлась не ко времени, то это объясняется тѣмъ, что онъ былъ совсѣмъ не дипломатъ и не придворный». Но это можно объяснить гораздо проще и вѣроятнѣе, что Мерзляковъ, благоговѣвшій предъ Ломоносовымъ и Державиннымъ и подражавшій имъ, не могъ пропустить случая, чтобы не повторить не только настроенія лиры этихъ двухъ бардовъ, но и самыхъ приемовъ ихъ пѣснопѣвній при подобныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Ломоносова въ одахъ и панегирикѣ Елисаветѣ и у Державина въ его привѣтствіяхъ на восшествіе на престолъ Александра; но для современниковъ намеки на это были слишкомъ близки, хотя со стороны поэта онъ—лишь риторическія мѣста. Въ томъ же 1801 году Мерзляковъ напечаталъ свое лирическое стихотвореніе «Слава», напоминающее своею формою «Гимнъ къ радости» Шиллера. Въ выходившихъ трудахъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, подъ названіемъ «Утренняя Заря», съ 1800 по 1808 годъ печатались стихотворенія Мерзлякова и въ томъ числѣ «Наука стихотворная къ Пизонамъ» и подъ переводомъ въ примѣчаніи объяснено: «переведенная, съ подлинника, обучающимъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ русскому слогу Алексѣемъ Мерзляковымъ». Всѣ эти стихотворенія были перепечатаны въ «Избранныхъ сочиненіяхъ изъ «Утренней Зари», вышедшихъ въ 1809 году. Оригинальныя Мерзлякова стихотворенія, кромѣ явившихся въ годъ его смерти (1830 г.) «Пѣсней и романъ

¹⁾ М. А. Дмитриевъ въ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти» 2-е изд. М. 1869 г., стр. 166.

совъ», печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ «Трудахъ общества любителей російской словесности» и въ «Актахъ» Московскаго университета; многія перепечатаны въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ» 1821 г., 2-е изданіе, въ 6-ти томахъ, и въ новомъ собраніи того же года (2 части). Отдѣльно же всѣ стихотворныя произведенія Мерзлякова, оригинальныя и нѣкоторыя переводныя (за исключеніемъ 22-хъ неотысканныхъ), напечатаны однажды, слишкомъ черезъ четверть вѣка по его кончинѣ, отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія А. Ѳ. Мерзлякова, изданіе Общества любителей російской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 2 ч. Москва. 1867 г.». Они заключаютъ въ себѣ девять отдѣловъ: I. Стихотворенія духовныя. II. Патріотическія и торжественныя. III. На академическія торжества. IV. Пѣсни и романсы. V. Поэма лирическая «Амуръ въ первыя минуты разлуки съ Душенькой». VI. Стихотворенія для дѣтей. VII. Разныя стихотворенія. VIII. Идилліи г-жи Дезульберъ. IX. Разные переводы (изъ Шиллера, Драйдена, Поппа и Томсона). Лирика Мерзлякова обнимаетъ сферы: религіозную, государственную, общественную, частную, личную и народную. Въ первомъ отдѣлѣ, стихотвореній духовныхъ, гдѣ поэтъ вдохновлялся священною поэзіей, помѣщено шесть такихъ стихотвореній: 1) «Ода на разрушеніе Вавилона» (1805 г.), 2) «Гимниъ Непостижимому» (1805 г.), 3) «Пѣснь Моисеева по прохожденіи Чермнаго моря» (1811 г.), 4) «Пѣснь Деворы и Варака», 5) «Пѣснь Моисея предъ его кончиною собранному Израилю» и 6) «Гласъ Божій въ громъ»; нѣкоторыя изъ нихъ были постоянно изучаемы какъ образцовыя, помѣщаются, какъ примѣры, въ учебникахъ, хрестоматіяхъ и т. п. Въ отдѣлѣ стихотвореній патріотическихъ и торжественныхъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ подъ заглавіемъ «Обѣты россиянь, или храмъ славы» (1812 г.) передѣлано изъ вышеупомянутаго стихотворенія «Слава» (1805 г.). Основная мысль всѣхъ этихъ стихотвореній выражена поэтомъ въ его лироэпическомъ стихотвореніи «Любовь къ отечеству». Въ отдѣлѣ стихотвореній на академическія торжества, поэтъ является глашатаемъ свѣтлыхъ истинъ во имя просвѣщенія, на торжественныхъ собраніяхъ университетскихъ, начиная съ 30-го іюня 1805 г.,—когда въ полномъ цвѣтѣ здоровья и крѣпости, силъ умственныхъ и нравственныхъ, онъ воспѣвалъ одою и хоромъ пятидесятилѣтіе университета,—до 26-го іюня 1830 г., когда на празднествѣ семидесятипятилѣтія университета, онъ, уже больной, слабый, прозвучалъ свою послѣднюю лебединую пѣснь «Юбилей». Подъ именемъ частной лирики разумѣются лири-

ческія изліянія мыслей и чувствъ поэта въ его отношеніяхъ семейныхъ и дружественныхъ. Мерзляковъ былъ веселый и остроумный собесѣдникъ; нерѣдко онъ оживлялъ общество стихотворными импровизаціями. Рассказываютъ, что въ этомъ онъ состязался съ даровитымъ музыкантомъ Давыдовымъ: кто скорѣе напишетъ—онъ-ли стихи, или потомъ Давыдовъ положитъ на нихъ музыку? На литературныхъ вечерахъ Мерзляковъ съ Воейковымъ играли въ карты—не на деньги, а на стихи, которые Мерзляковъ переводилъ изъ «Садовъ» Делиля, а Воейковъ бралъ, какъ свою собственность, и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы, можетъ быть, —нѣсколько передѣлавши ихъ, чтобы они подходили къ его собственному переводу. До 1812 года Мерзляковъ бывалъ часто въ Жадочахъ, въ образованномъ обществѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ онъ написалъ бѣольшую часть своихъ романсовъ и пѣсней, въ томъ числѣ известную его пѣсню «Среди долины ровныя», что было такъ: онъ разговаривался о своемъ одиночествѣ, говорилъ съ грустью, взявъ мѣлъ и на открытомъ ломберномъ столѣ написалъ почти половину этой пѣсни; потомъ подложили ему перо и бумагу, и онъ, переписавъ написанное, окончилъ тутъ же всю пѣсню. Въ собраніи его стихотвореній помѣщено одно, подъ заглавіемъ «Маршрутъ въ Жадочи», написанное, должно быть, въ 1811 году, и данное одной дамѣ, просившей поэта сообщить ей свѣдѣнія о дорогѣ. Къ отдѣлу частной лирики относятся: «Къ друзьямъ» (1803 г.), «Что есть жизнь?», «Пѣснь въ кругу друзей» (1808 г.), «Пиръ, застольная шутивая пѣснь», «Надгробная пѣснь З. А. Буринскому», сочиненная въ день его погребенія и пѣтая въ собраніи друзей его (1808 г.), «Въ альбомѣ противъ альбомовъ» (1815 г.); наконецъ, сюда же принадлежитъ и помѣщенное между романсами стихотвореніе «Къ моей Любови Васильевнѣ», то есть къ женѣ Мерзлякова, выражающее задушевные чувства поэта, такъ сказать, на порогѣ его семейной жизни. Къ этому отдѣлу надо отнести и «Дѣтскія стихотворенія», внушенные поэту его сочувствіемъ къ дѣтямъ, любезнымъ ему всегда. Для выраженія личнаго чувства любящей души, Мерзляковъ, какъ русскій поэтъ, съ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ, нашелъ форму въ русской народной пѣснѣ; онъ ввелъ ее въ область лирической поэзіи тогда, когда у насъ не сознавали художественной красоты нашей народной поэзіи... Русскій человекъ, хотя и подъ искусственной принаровкой, призналъ въ пѣсняхъ Мерзлякова свое родное. Въ числѣ романсовъ помѣщенъ «Велизарій», долго распѣвавшійся на Руси и своимъ возвышенно-трогательнымъ содержаніемъ, съ соотвѣтственною музыкой, извлекавшій долго непритворныя слезы. Но

пѣсни Мерзлякова нельзя приравнивать къ современнымъ и пользовавшимся очень большимъ успѣхомъ пѣснямъ Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго... Пѣсни Мерзлякова гораздо популярнѣе и распространены были въ большей массѣ любителей и любительницъ пѣнія, и это потому, что народный элементъ въ нихъ оцутительнѣе и ярче отражается даже въ туманѣ искусственности... Таковы, наприимѣръ, его пѣсни: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить», «А что-жь ты, голубчикъ, не веселъ сидишь?», или пѣсня, раздѣленная на двѣ части, изъ которыхъ каждая начинается такими четверостишіями:

Чернобровой, черноглазой,
Молодецъ удалой,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое.

Вотъ сыр-боръ за горою,
Мягелца въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.

Здѣсь слышится что-то позднѣйшее, знакомое современному читателю, и при этомъ кстати замѣтить, что хотя Кольцовъ, по внутреннему и внѣшнему характеру своей поэзіи, безспорно и вполнѣ заслуживаетъ имя народнаго поэта, однакожь и въ его стихотвореніяхъ нельзя не примѣтить примѣси искусственности къ чистой естественности, и они, богато проявляя въ себѣ народный духъ и народное воззрѣніе, облеченныя въ народный образъ выраженія, не были столько популярны, чтобы стать достояніемъ народа... Народъ свое отпѣлъ нѣкогда, и пѣсни его составляютъ теперь предметъ археологическаго изученія; а всякая поддѣлка останется поддѣлкой, какъ бы она искусна ни была... Какимъ же образомъ народъ проявитъ свое творчество въ будущемъ, при иныхъ условіяхъ его нравственнаго развитія,—это еще теперь задача времени.

Въ качествѣ поэта-переводчика, Мерзляковъ, воспитанный академическою гимназіей университета на изученіи языковъ греческаго и латинскаго, преимущественно переводилъ древнихъ поэтовъ, или подражалъ имъ. Первые опыты переводовъ Мерзлякова изъ древнихъ—Сцены изъ Эврипидовой Альцесты и Первая Пиндарова олимпійская ода Герону Сиракузскому—были напечатаны въ сборникѣ «Эфемериды», разныя сочиненія, касающіяся древней ли-

тературы, изданныя при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Москва, 1804 г. (Другое названіе «Труды любителей россійской словесности 1804 г., служація продолженіемъ «Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія»). Эклоги Виргилія стали являться въ «Вѣстникѣ Европы» съ 1805 года, а потомъ, подъ заглавіемъ «Эклоги Виргилія Марона» съ переводами нѣкоторыхъ эклогъ Теоокрита, Діона и Маска, съ предисловіемъ объ эклогѣ и посвященіемъ императору Александру I, вышли въ 1807 г. «Наука стихотворства» (Ars poëtica), Посланіе Гораціево къ Пизонамъ, напечатаны въ первый разъ въ VI книгѣ «Утренней Зари» 1808 г., и послѣ перепечатаны, съ перемѣнами, въ послѣднихъ X, XI и XII книжкахъ «Амфіона» (1815 г.), наконецъ, напечатаны въ II томѣ «Собранія подражаній и переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» 1826 года. Кромѣ Гораціевой пѣтики, Мерзляковъ, въ 1807 году, перевелъ пѣтику Аристотеля, какъ о томъ заявлено было въ «Вѣстникѣ Европы» (XII); не задолго до нашествія непріятеля, онъ началъ ее печатать съ примѣчаніями, но какъ оригиналъ, такъ и большая часть печатныхъ листовъ, погибли; Мерзляковъ перевелъ ее снова, но переводъ не вышелъ въ печать. Тогда же, до непріятеля, издавалъ онъ особою книгою Пѣтику Горація, напечаталъ десять листовъ съ примѣчаніями, но этотъ трудъ погибъ въ то же время. Другіе переводы изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эсхила, Софокла, Эврипида, Каллимаха, Клеонта-стоика, изъ «Энеиды» Виргилія, изъ одъ Горація, изъ Тибулла, Проперція и Овидія, печатаны были въ «Вѣстникѣ Европы», «Амфіонѣ», «Трудахъ Общества», «Ураши» (альманахъ Погодина 1826 г.) и потомъ явились въ 1825—1826 гг., въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ», и посвящены — первый, вышедшій въ 1825 году, императору Александру I, а второй, изданный въ 1826 году, императору Николаю I; въ предисловіи ко второму тому общанъ и третій томъ, но не изданъ. О способѣ самаго перевода, особенно изъ греческихъ трагиковъ, Мерзляковъ выражается такъ: «Смѣло могу сказать, что почти всѣ представляемые отрывки весьма близко предложены, но не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова... Я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ или несоотвѣтственнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти, иное переставлявалъ и соединялъ первый актъ съ пятымъ, въ своемъ отрывкѣ, дабы составить нѣчто цѣлое драматическое», и проч. Главный недостатокъ предложеній Мерзлякова состоялъ во французскомъ способѣ возрѣнія на

это, особенно при переводѣ трагиковъ: французы не умѣли вникать въ духъ подлинника и не понимали настоящаго смысла древнихъ писателей, которыхъ уродовали,—примѣняя къ правиламъ и законамъ теоріи, извлеченной изъ поэтическихъ кодексовъ Аристотеля и Горация, жившихъ позже древнихъ поэтовъ, которымъ нерѣдко навязывали произвольныя заключенія. Къ тому же, образцы лирической, эпической и драматической поэзіи, переведенныя Мерзляковымъ, страдаютъ злоупотребленіемъ славянскій стихъ въ русскомъ языкѣ, отчего теряетъ поэтическая гармонія языка, какъ это замѣчаетъ кратко и Веневитиновъ въ вышеупомянутой статьѣ своей: «Г. Мерзляковъ, вопреки тирану—употребленію, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной старины выраженія, обреченныя, кажется, забвенію; конечно, чрезъ такое приращеніе языкъ его не бѣднѣетъ, не теряетъ своей силы; но онъ не имѣетъ совершенной плавности, необходимой въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшей приманки для читателей»... (Сочиненія Веневитинова, Спб. 1862 г., стр. 190). Къ лучшимъ переводамъ Мерзлякова должно отнести эклоги Виргилія и греческія идилліи... Сельская поэзія древнихъ и новыхъ возбуждала особенное сочувствіе въ Мерзляковѣ; отдаленные отголоски родныхъ сель просыпались въ немъ, какъ это онъ самъ говоритъ: «Сколько бы далеко ни увлечены мы были вихремъ страстей, нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то родное наше: на поля и на дѣса смотримъ какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества». Между тѣмъ, Мерзляковъ ищетъ этой простоты въ «идилліяхъ г-жи Дезульеръ» (впервые напечатанныхъ въ 1807 г.),—у которой не было не только простоты древнихъ, но и вообще простоты, а, напротивъ того, въ высшей степени жеманная искусственность,—предпочитая ее Гебелю, надъ переводами изъ котораго Жуковскимъ Мерзляковъ даже глумился!.. Въ числѣ переводовъ Мерзлякова изъ новыхъ поэтовъ, капитальный трудъ, которымъ онъ занимался въ теченіе двадцати лѣтъ (1808—1828 гг.), былъ переводъ поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ» (М. 1828 г., 2 ч.); къ этому изданію приложено «Изображеніе жизни Тасса». Александрійскій стихъ разрушалъ все очарованіе гармонической италянскій октавы, да къ тому-жъ отягченной славянскими архаизмами. Къ числу переводовъ его изъ новыхъ принадлежатъ вышедшія въ 1806—1810 гг. и помѣщенныя въ собраніи его стихотвореній (1867 г.) четыре пьесы: Лаура за клависиномъ, изъ Шиллера; Торжество Александрово, или сила музыки, кантата Драйдена; Элегія изъ Парни; Селадонъ и Аменія, изъ Том-

соновой поэмы (изъ которыхъ двѣ первыя піесы были переведены Державинимъ и Жуковскимъ). Вообще, въ его переводахъ изъ древнихъ, какъ и изъ новыхъ, равно въ его теоретическихъ взглядахъ, французы ослѣпляли его и помрачали въ немъ непосредственное чувство изящнаго: онъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ во всю жизнь и оставался вѣрнѣе до конца. Какъ примѣръ и доказательство, не излишне здѣсь,—въ заключеніе этого пересмотра сочиненій Мерлякова,—сообщить слѣдующій случай. Въ послѣдній годъ (1830) жизни его, извѣстный критикъ, журналистъ и профессоръ университета Надеждинъ защищалъ свою докторскую диссертацию: «De origine, natura et fasis Poëteos, quae romantina audit»; Мерляковъ не допускалъ законность романтизма, на томъ основаніи, что разныхъ поэзій нѣтъ, а только одна поэзія, согласная съ общимъ вкусомъ образованныхъ націй; при чемъ диспутантъ былъ остановленъ однимъ изъ его оппонентовъ, профессоромъ Цвѣтаевымъ, остроумно замѣтившимъ, что и вѣра христіанская—одна, но нельзя же отвергать различія между разными вѣроисповѣданіями—православнымъ, католическимъ и лютеранскимъ. Самый эпиграфъ къ диссертациі «ubi vita, ibi poësia» (гдѣ жизнь, тамъ и поэзія) не нравился Мерлякову, какъ слишкомъ расширяющій область поэзіи, которая, по его понятіямъ, должна ограничиваться «подражаніемъ изящной природѣ», да и изъ этой природы совѣтовалъ избирать для подражанія только такіе предметы, которые имѣютъ ближайшее вліяніе на человѣка, на его благо и его злосчастіе.

III.

Вотъ всѣ сочиненія Мерзлякова, извѣстныя до сихъ поръ.— Сказано выше, что его стихотворенія изданы въ 1867 году. Прозаическія же сочиненія, какъ то же упомянуто, разсѣяны по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Судьба ихъ объяснена такъ въ предисловіи къ названному выше собранію его стихотвореній. Въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, 16-го февраля 1863 года, предсѣдатель М. П. Погодинъ предложилъ издать на иждивеніе общества, подъ редакцію его членовъ, полное собраніе сочиненій Мерзлякова, бывшаго въ числѣ первыхъ основателей этого общества съ 1811 г., дѣятельнѣйшимъ его членомъ и временнымъ его предсѣдателемъ. Общество единодушно выразило полное сочувствіе предложенію Погодина и просило его войти по этому предмету въ сношенія съ семействомъ Мерзлякова, объяснивъ, что всѣ имѣющіяся получить, за вычетомъ издержекъ на изданіе, выгоды поступятъ въ пользу его наслѣдниковъ. Подлинная рукопись сочиненій Мерзлякова находилась у Погодина; но черезъ нѣсколько лѣтъ вдова покойнаго вытребовала ее для отправленія ко второму своему сыну, служившему тогда въ Петербургѣ; но это не состоялось, и Владиміръ Алексѣевичъ Мерзляковъ увѣдомилъ общество, что рукописи отъ матери не получалъ, и что она, вѣроятно, осталась у брата, Семена Алексѣевича, который умеръ въ больницѣ, не оставивъ послѣ себя никакихъ рукописей; послѣ вдовы въ домѣ также ничего не найдено. Вслѣдствіе того Общество любителей россійской словесности, чрезъ неоднократныя публикаціи въ московскихъ и петербургскихъ вѣдомостяхъ, вызывало тѣхъ, у кого могла находиться рукопись, прося доставить ее въ общество; но всѣ старанія отыскать рукопись сочиненій Мерзлякова остались тщетными. За неизмѣнимъ подлинной рукописи, секретарь общества М. Н. Лонгиновъ составилъ планъ изданія и списокъ всѣхъ извѣстныхъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сочиненій Мерзлякова. Отчего же Общество любителей россійской словесности до сихъ поръ не озаботилось изданіемъ, по этому списку, хотъ напечатанныхъ прозаическихъ сочиненій Мерзлякова,—свѣдѣній не имѣется... А вѣдь эти,—кромѣ учебниковъ, совершенно потерявшихъ уже свою цѣнность,—теорети-

ческія и критическія статьи Мерзлякова именно и составляютъ его главную, неотъемлемую заслугу въ отечественной литературѣ и предметъ любопытства, даже и въ наше время, какъ памятники нашего эстетическаго развитія и критическаго сознанія!

Не будетъ-ли исправлено это упущеніе теперь, по случаю столѣтняго юбилея Мерзлякова, что, во всякомъ разѣ, было бы наилучшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ изъявленіемъ сочувствія къ его славной памяти?

Москва.

Николай Мизго.